

То был первый после наступления осени мощный ливень. Ледяная вода пробирала до костей, на дорогах скапливались огромные лужи, а в небе то и дело грохотал гром. Тяжелая пелена, нависшая над Застиясом, казалась нерассеиваемой, она неумолимо давила на Айлу — столицу маленького королевства.

Тереза и Лошия сидели в карете. Обе были в черных одеждах, лица их помрачнели, а в руках у Терезы покоился букет лилий.

— Госпожи Тереза и Лошия, мы почти у собора.

Словно желая разрядить гнетущую тишину в экипаже, Энни напомнила девушкам, сидящим на заднем сиденье, что пора готовиться к выходу. Услышав голос Энни, Тереза словно очнулась от тяжелого сна и встрепенулась, выходя из оцепенения.

Лошия невольно посмотрела на нее с беспокойством:

— Тереза, ты в порядке?

— Со мной все хорошо, Лоши. И вы, мисс Энни, тоже... спасибо вам. Вы столько сил вложили в организацию похорон матушки, а я в это время была совсем беспомощна.

Энни слегка улыбнулась:

— Похороны госпожи Элеи — дело государственного масштаба, их по большей части берет на себя церковь. Я лишь выполняла свой долг.

В этот момент дождь усилился, словно сами небеса оплакивали кончину премьер-министра Застияса, Элеи Силиваред.

Два дня назад, когда премьер-министр Элея находилась с визитом в Княжестве Сноу, с западной окраины Айлы пришло известие о ее смерти. Крестьянка, обнаружившая тело, в ужасе сообщила об этом властям и тут же лишилась чувств. Полиция немедленно начала тайное расследование, а после проведения экспертизы тело Элеи было передано церкви, которая тут же приступила к подготовке погребения.

Расследование завершилось всего через два часа — полиция выпустила отчет, в котором смерть Элеи была признана несчастным случаем. Все процедуры, от осмотра места происшествия до передачи тела, были проведены в кратчайшие сроки, практически без пауз.

Когда родная дочь Элеи, Тереза, и ее приемная дочь, Лошия, пришли в себя от потрясения, их ждало лишь холодное известие о смерти матери. Тереза пыталась прорваться в церковь и умоляла монахов позволить ей взглянуть на мать в последний раз, но те лишь качали головами, отказывая в просьбе.

Следующие два дня Тереза не могла смириться с реальностью. Видя, что ее состояние нестабильно, Лошия взяла отпуск в Королевской академии, чтобы остаться дома и поддержать сестру.

Только сегодня утром Тереза, казалось, наконец приняла случившееся. Энни Постиа, личный секретарь Элеи, приехала в особняк премьер-министра, чтобы доложить о ходе подготовки к похоронам. Выслушав ее, Тереза приняла решение — еще раз попытаться попасть в собор и увидеть мать.

— Мисс Энни, мы правда больше не сможем ее увидеть?

— Не знаю. Люди из церкви ведут себя крайне подозрительно. Говорят, что должны беречь тело госпожи премьер-министра, так что вряд ли у нас получится еще раз взглянуть на госпожу Элею.

Услышав эти слова, Тереза еще сильнее поникла. Лошия, заметив это, положила руку на ладонь сестры, открыла рот, но не нашла слов.

Через пять минут карета остановилась у ворот Великого собора Айлы. Энни припарковала экипаж в отведенном месте и открыла дверцу, помогая Терезе и Лошии выйти.

— Прошу прощения, госпожи, подождите минутку.

Когда Лошия ступила на землю, один из монахов, охранявших вход, заметил ее. Он поспешно подошел к Энни и Терезе, преграждая им путь.

— Что случилось, господин? Неужели теперь в Великий собор никого не пускают?

— Э-э, дело не в этом, госпожа Энни. Просто у епископа есть приказ: Дитя Бедствия не должно приближаться к Великому собору Айлы.

Говоря это, монах то и дело опасливо поглядывал на Лошию, стоявшую позади Терезы.

У Лошии от природы были ослепительно белые волосы и кроваво-красные глаза. Когда она только прибыла в Застияс, местный кардинал объявил ее Дитем Бедствия, предрекая, что ее присутствие навлечет на королевство несчастья. Тогда Элея, вопреки всеобщему мнению, заявила, что Лошия не несет никакой угрозы. А поскольку тогдашний кардинал как раз рассорился с Папой западной епархии и находился на грани отставки, его влияние ослабло, и Лошии позволили остаться.

Однако епископ не отступил. Потерпев неудачу в попытке изгнать Лошию через совет, он издал строгий приказ: запретить ей вход в Великий собор Айлы и в епархию Сассек. Теперь, после неожиданной смерти премьер-министра Элеи, нынешний кардинал не упустил случая

связать ее кончину с присутствием Дитя Бедствия.

Энни почувствовала, как начинает болеть голова.

— Я поняла. Я не пойду в собор, — Лошия, привыкшая к подобным вещам, поклонилась монаху и добавила: — Тереза, я подожду тебя снаружи.

Тереза, видя покорность сестры, нахмурилась. Она резко развернулась к монаху:

— Неужели церковь настолько бесчеловечна? Мы обе — дочери премьер-министра Элеи, мы пришли проводить матушку в последний путь! Или Господь покарает детей, пришедших проститься с матерью?

— Это... это приказ епископа. И, госпожа Тереза, даже если вы войдете, боюсь, увидеть госпожу Элею вам все равно не удастся...

Монах растерялся, испугавшись ее напора, но отступить не собирался. Энни, видя это, заслонила девушек собой:

— Значит, тело госпожи Элеи все еще под охраной? И даже родным нельзя на нее взглянуть?

— Прошу прощения, госпожа Энни, это правила церкви, я не могу их нарушить.

Монах поклонился, выражая искреннее сожаление, и Энни поняла, что спорить бесполезно.

— Пойдемте обратно.

— Подождите.

Когда Энни уже собиралась увести девушек, Тереза окликнула монаха. Она быстро подошла к нему и протянула букет лилий.

— Пожалуйста, положите эти цветы рядом с матушкой. Спасибо.

Не дожидаясь ответа, Тереза, не оглядываясь, вернулась к Энни и Лошии, и они покинули территорию собора.